

С. А. Дианов**Органы цензуры и партийные комитеты Урала в 1920–1930 годы.**

Вопрос о взаимоотношениях Главлита и Центрального Комитета ВКП (б) достаточно хорошо исследован в трудах А.В. Блюма, Г.В. Жиркова, М.В. Зеленова¹. Все цензуроведы сходятся во мнении, что с самого начала организации аппарат Главлита контролировался партийными органами: сначала Агитпропотделом ЦК ВКП(б), затем Отделом печати ЦК и ЦК в целом. В то же время М.В. Зеленов обозначил проблему взаимовлияния партийного аппарата и Главлита. По его мнению, вряд ли имеет смысл представлять Главлит только исполнителем цензурной воли ЦК ВКП(б)². Действительно, в 1920-е годы Главлит как главное цензурное ведомство вырабатывал основные нормативные акты: инструкции по цензуре, списки запрещенных и разрешенных произведений, информационные письма, рекомендации местным органам и т. д. Партийный аппарат, в свою очередь, становился исполнителем некоторых постановлений и решений цензурного ведомства. В 1926–1929 гг. аппарат ЦК отказался от института личного представительства в коллегии Главлита. Вместо этого реализовывалась идея коллективного представительства: по просьбе Главлита аппарат ЦК участвовал в формировании среднего звена в управлении цензурным органом, посылая через Орграспредотдел для работы в нем проверенных коммунистов. Вместе с тем Агитпропотдел ЦК выступал в качестве арбитра, расследуя жалобы на цензуру со стороны самих цензоров.

В середине 1920-х годов руководитель Главлита П.И. Лебедев-Полянский активно отстаивал самостоятельность органов цензуры и без малейшего сомнения вступал в конфликты с региональной партийной властью. Примером его бурной деятельности может служить жалоба Главлита в Агитпроп ЦК от 23 ноября 1925 г.³ В этом документе П.И. Лебедев-Полянский протестовал против действий Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). Суть протеста состояла в том, что, несмотря на запрет Главреперткомом на постановку пьесы «Николай II», в Межсоюзном клубе г. Хабаровска эта пьеса была несколько раз сыграна. Разрешение на постановку пьесы выдал ДБ ЦК ВКП(б). Глава Главлита особо отмечал, что партийный комитет был «своевременно» поставлен в известность о том, что пьеса является запрещенной. А далее начинается самое интересное. П.И. Лебедев-Полянский требует от Агитпропа ЦК принять меры принудительного воздействия на свои местные партийные органы. «Считая, что такое вмешивание в деятельность государственных органов контроля за репертуаром нежелательно, так как оно умалает авторитет советских органов и нарушает административно-организационную функцию, Главный Репертуарный Комитет просит не отказать разъяснить вышеизложенное ДБ ЦК ВКП(б) с просьбой

Дианов Сергей Александрович, к.и.н., доцент Пермского государственного педагогического университета.

Эл. почта: dianov-sa@rambler.ru

¹ См.: *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994 С. 82–90; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв.: Учебное пособие. М., 2001. С. 286–293; *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н.-Новгород, 2000. С. 274–303.

² *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. С. 301.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 751. Л. 25.

на будущее... в случае же расхождения с местными органами контроля – направлять спорные вопросы на разрешение ГРК», – писал Лебедев-Полянский.

В начале 1930-х годы ситуация стала меняться. Главлит практически утратил свою самостоятельность. Аппарат цензурного ведомства был реорганизован и существенно сокращен. Как справедливо отмечает Г.В. Жирков, в это время функции цензуры были узурпированы партийным аппаратом. Официально Главлит продолжал функционировать как особое цензурное ведомство и в последующие годы, вплоть до конца 1980-х годы, однако он уже полностью был под опекой партийных органов, контролировавших все стороны его деятельности¹. Вместе с тем подчеркнем, что партийные комитеты не занимались сами непосредственно цензурой печати, литературы, радиовещания и выставок.

В то время как отношения аппаратов Главлита и ЦК ВКП(б) в 1920–1930 годы еще поддаются интерпретации специалистов, на проблеме взаимоотношений низового звена цензуры и местных партийных комитетов мало кто заострял внимание. В рамках настоящей публикации попробуем воспроизвести процессы, протекающие между аппаратом уральской цензуры и партийными комитетами Урала.

Прежде всего, обозначим параметры, по которым можно судить о степени влияния местных партийных органов на деятельность уральских цензоров. Во-первых, необходимо выяснить, какова роль парткомов в организации органов цензуры на местах. Особый интерес представляет вопрос о возможностях влияния парткомов на процесс формирования кадрового аппарата цензуры. Во-вторых, принимали ли парткомы решения о финансовом обеспечении органов цензуры. В-третьих, определяли ли парткомы сферы влияния органов цензуры в области контроля над распространением информации. В-четвертых, в каких формах цензоры отчитывались перед парткомами по результатам своей деятельности. В-пятых, имели ли место случаи конфликтных ситуаций между цензорами и парткомами.

Начнем с вопроса о месте и роли партийных комитетов Урала в процессе организации органов цензуры в регионе. Уралобллит как центр политической цензуры на Урале был образован 1 января 1923 г. решениями Наркомпроса и Главлита РСФСР, а также постановлением Екатеринбургского губисполкома от 30 декабря 1922 г.². В учреждении Уралобллита напрямую партийные органы участия не принимали. Однако уже 6 марта 1923 г. Секретариат Уралбюро ЦК РКП(б) утверждает постановление № 20. На этот документ ссылался А.Д. Ослоновский, первый руководитель Уралобллита, в своем обращении к заведующему Екатеринбургским губОНО Звереву с предложениями по проекту плана обллита по руководству гублитами. Ослоновский, в частности, отмечал, что в проекте были учтены все указания Уралбюро ЦК по вопросам регламентации деятельности гублитов Урала³. Проект содержал также положение, согласно которому на гублиты и обллит была возложена обязанность представления в губкомы РКП(б) и Уралбюро ЦК «регулярных докладов» и «протоколов» с заключениями о работе органов цензуры. В свою очередь в уездах надзор за деятельностью цензоров возлагался на укомы РКП(б). Вскоре проект был утвержден в губисполкоме и губОНО.

Таким образом, с весны 1923 г. общий надзор за деятельностью аппарата уральской цензуры возлагался на партийные органы. Конечно, иначе и быть не могло. Вместе с тем на первоначальном этапе парткомы не принимали непосредственного участия в формировании кадрового аппарата цензуры. На должности уездных цензоров в 1923 г. Уралобллит с формального согласия губОНО назначал заведующих местными отделами

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. С. 292–294.

² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 – 8 об.

³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

народного образования. По всей видимости, процедура назначения на должность цензора не предусматривала утверждения кандидата партийным комитетом РКП(б). В своих первых отчетных докладах улиты, в свою очередь, подчеркивали установление тесной «связи» с уездными парткомами. Например, курганский уездный цензор А.З. Неупокоев в отчете за март 1923 г. писал: «Уком и ГПУ всегда идут навстречу в работе цензуры. Никаких конфликтов и недоразумений не было»¹. Его коллега, цензор Ирбитского уезда А.Г. Арыкин, в докладе за тот же период времени был более многословен. «Цензуру в уезде, – писал А.Г. Арыкин, – предполагается возложить на секретарей волкомов РКП, выделенных Укомом для этой цели». Улиты как советские органы вели себя как равноправные партнеры с партийными комитетами.

В отчетном докладе в Главлит за июнь 1923 г. Уралобллит также, в частности, отмечал: «Взаимоотношения с областными партийными организациями, за отчетный месяц, как и прежде, были полны взаимного доверия. Никаких конфликтов и недоразумений не было»². Важно подчеркнуть, что каких-либо форм учета и контроля за деятельностью улитов, а позднее окрлитов местными партийными органами выработано не было. Кроме того, заметим, что в 1923–1924 гг. сам Главлит редко поставлял в ЦК ВКП(б) какие-либо отчеты. Это затрудняло понимание аппаратом ЦК сути деятельности Главлита и его местных органов и делало цензуру повсеместно в определенной степени бесконтрольной³. Таким образом, вполне возможно утверждать, что до второй половины 1920-х годов уральские цензоры руководствовались исключительно распоряжениями Главлита, который и определял сферы влияния своих местных органов в области контроля над распространением информации.

В середине 1920-х годов ситуация стала постепенно меняться. В июле 1925 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной культуры». С этим документом началось наступление партийного аппарата на «автономию» органов цензуры. В 1925–1927 гг. главным конкурентом Главлита выступил Отдел печати ЦК. Между его руководителем С.И. Гусевым и П.И. Лебедевым-Полянским шла скрытая борьба за передел цензурных полномочий между ведомствами⁴. На Урале Отдел печати Уралобкома ВКП(б) делал попытки установить различные формы контроля над Уралобллитом. С его подачи в начале 1925 г. окрлитам была вменена обязанность «строго следить» за своевременной отсылкой типографиями и издательствами обязательных восемь экземпляров газет в Отдел печати обкома ВКП(б)⁵. Восьмого октября 1925 г. Уралобллит издал циркуляр № 431/с, адресованный не только окрлитам, но и окружкомам ВКП(б). В циркуляре заведующий обллитом А.Д. Ослоновский отмечал факт «хронической» задержки окрлитами печатных материалов как в Уралобллит, так в «подотделы печати Обкома РКП». Особой критике подверглись Верхне-Камский, Кунгурский и Сарапульский окрлиты, начальники которых с января 1925 г. не присылали подшивку местных газет. «Такое положение ставит Уралобллит и подотделы печати Обкома РКП в затруднительное положение, лишая возможности не только изучения печати, но даже простого ее учета», – писал А.Д. Ослоновский⁶. Адресуя циркуляр окружным партийным комитетам, А.Д. Ослоновский тем самым просил поддержки с их стороны. Кстати, на циркуляре Отделом

¹ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 198. Л. 14.

² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

³ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁴ Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. С. 280.

⁵ Там же. С. 285–298.

⁶ ГАПК. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

печати Уралобкома ВКП(б) была проставлена отметка «Согласовано». Логично предположить, что и издание самого циркуляра было осуществлено по инициативе этого партийного органа.

В 1926 г. некоторые окружные комитеты ВКП(б) обратили свое внимание на деятельность окрлитов. Так, агитационно-пропагандистский отдел Шадринского окружкома ВКП(б) обязал окрлит представить отчет о состоянии библиотечного фонда в округе, а также о результатах контроля за книготорговой сетью. В начале мая 1926 г. Шадринский окрлит представил в агитпроп докладную записку «О положении с книгой в округе и продвижении книги в массы»¹. В ней цензоры привели статические данные, сведения о «вкусах» читателей, а также отметили имевшие место случаи поставки в библиотеки округа книжными агентствами «недоброкачественной» продукции. Аналогичную работу провел и Ирбитский окрлит, представив сведения в окружном ВКП(б) о том, каким был цензурный контроль за репертуаром городского театра².

В свою очередь Уралобллит со второй половины 1920-х годов был обязан регулярно направлять в Отдел печати Уралобкома ВКП(б) доклады о состоянии политической цензуры в округах. Кроме того, Коллегия Отдела печати Уралобкома заслушивала доклады заведующего обллитом и была правомочно выносить постановления. Так, 21 февраля 1927 г. руководитель Уралобллита М. Ланге направил в окрлиты секретный циркуляр, который начинался следующей формулировкой: «Препровождаю при этом выписку из постановления Коллегии Отдела Печати Обкома ВКП(б) по докладу Уралобллита, Уралобллит предлагает принять меры к проведению этого постановления на местах»³. Речь шла о принципах надзора окрлитами за деятельностью своих уполномоченных при редакциях местных газет.

Вместе с тем все же на местах партийные комитеты не претендовали на роль руководящего и направляющего органа за деятельностью органов цензуры. Общий партийный надзор оставался, по-прежнему, лишь формальным. На заседаниях бюро окружных комитетов ВКП(б) фактически не обсуждались вопросы, связанные с цензурой, не заслушивались и доклады окрлита. Цензоры по сути дела были предоставлены самим себе. В планах работы окрлитов на предстоящий год мы не обнаруживаем ни одного мероприятия, так или иначе связанного с отчетом перед местным партийным комитетом. Так, в «Плане работы инспектора по делам печати и зрелищ на 1929–1930 год» Курганского округа Захарова было запланировано проведение нескольких совместных мероприятий с районными исполкомами Советов, уполномоченным отдела политконтроля ОГПУ, а также выступление окрлита на заседании президиума окрисполкома. Однако Захаров ни словом не упомянул о возможности выстраивания отношений с тем же агитпропом окружкома ВКП(б)⁴.

Период 1930–1932 гг. стал для уральской цензуры переломным. В это время на Урале прошла административно-территориальная реформа, было ликвидировано окружное деление Уральской области. Прошла кампания и по реорганизации аппарата уральской цензуры. Низовой ячейкой системы цензуры стал райлит. Период реорганизации несколько затянулся, не во всех районах были выделены работники в райлиты. В Ишимском районе несколько месяцев подряд полномочия цензора осуществляли служащие местной типографии. В Шадринске, Надеждинске и Первоуральске номера райлита выдавались беспартийными служащими ОНО редакциям газет сразу же на несколько

¹ ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805. Л. 71–71 об.

² ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

³ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 91.

⁴ ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6. Л. 126.

месяцев вперед. В Перми обязанности горлита исполняли в течение 1932 г. «поочередно» трое служащих горОНО, не имея на то полномочий от Уралобллита¹. Таким образом, мы сталкиваемся со следующим парадоксом. Аппарат ЦК ВКП (б) уже к 1931 г. «поглотил» относительную независимость Главлита. На местах же вплоть до середины 1930-х гг. райлиты сохраняли свою самостоятельность. Партийные органы вяло, в буквальном смысле «из-под палки», следуя грозным директивам ЦК ВКП(б), начинали брать под контроль органы цензуры. На Урале первые шаги в этом направлении были предприняты Уралобкомом ВКП(б) не ранее января 1933 г.

14 января 1933 г. вышло в свет постановление Уралобкома «Об укреплении органов цензуры и улучшении их работы на местах». В этом постановлении главный партийный орган Урала требовал от городских и районных комитетов ВКП (б) провести на местах «практические мероприятия к немедленному улучшению ведения военно-экономического и политико-идеологического контроля печати и радио». На парткомы возлагались задачи не только общего руководства за деятельностью райлитов. Отныне им было предписано принимать непосредственное участие в формировании кадрового аппарата цензуры, в том числе утверждать в должности работника райлита. Следующая задача заключалась в определении парткомами сфер влияния органов цензуры в области контроля за распространением информации в районе. Наконец, задачей парткомов стало решение вопроса о материальном обеспечении деятельности райлита. «Нужно создать соответствующие условия работникам Литов /выделение специальной комнаты, освобождение от излишней нагрузки, обеспечение бесперебойного повышения политуровня», – говорилось в последующих директивах Уралобкома. С аналогичным обращением к партийным комитетам Урала выступил и Уралобллит в циркуляре № 270/с от 2 июня 1933 г. Его начальник Григорьев, кроме всего прочего, просил секретарей парткомов о следующем: «Уралобллит просит оказать содействие горрайлитам в создании внештатной инспектуры для просмотра специальной печатной продукции из числа коммунистов, специалистов и политически грамотных товарищей, через вынесение специальных постановлений, ... в крупных районах, например: Свердловск, Березники, Пермь, Нижний Тагил, Тюмень, Челябинск, Магнитогорск и т. д.»².

7 октября 1933 г. Уралобком ВКП (б) издал очередное постановление, в котором признал работу райлитов на Урале «неудовлетворительной»³. Резолютивная часть документа содержала поручение городским и районным комитетам ВКП(б) «подобрать для работы в райлитах партийно-выдержанных работников». Кроме того, партийным комитетам запрещалось «перебрасывать» работников райлита без разрешения Уралобкома на «другую работу». В свою очередь горрайлиты предупреждались о применении к ним карательных санкций со стороны обкома ВКП(б) за «пропуск антипартийных контрреволюционных изданий» и за разглашение государственной тайны в печати.

В начале 1934 г. Уралобллит был упразднен. Вместо него в областных центрах Уральского региона создавались обллиты, аппарат управления которых был всецело подотчетен обкомам ВКП(б). В своих циркулярных распоряжениях местным органам обллиты особо подчеркивали статус парткомов. Так, Свердловский обллит в июне 1934 г., вызывая цензоров в г. Свердловск с целью проведения для них инструктажа, требовал

¹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 91.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 94

³ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 91.

представления всех сопроводительных документов, в том числе и «постановление РК ВКП (б) о назначении на работу начальника райлита»¹. Немногим ранее, 27 мая 1934 г., в приказе № 41 по Свердловоблиту его начальник С. Тубанов, отмечая участвовавшие случаи рассекречивания государственных тайн в районной печати, сообщал о своем намерении обратиться в райкомы ВКП(б) с просьбой «о наложении на виновных лиц соответствующих партийных взысканий». Глава обллита просил парткомы в первую очередь наказать начальников Первоуральского, Шалинского, Кушвинского и Оханского райлитов². Таким образом, именно на бюро райкома ВКП (б) теперь проходила процедура назначения на должность райлита, процедура применения мер взысканий к цензору, а также процедура его отстранения от занимаемой должности. Партийные органы получили возможность перетасовывать кадровый состав уральской цензуры.

Передача партийным комитетам таких полномочий, в свою очередь, не могла не привести к возникновению конфликтных ситуаций между цензорами и партийными чиновниками. Цензоры оказались в очень сложной ситуации: грозные циркуляры облита, с одной стороны, и вмешательство в их работу партийных органов – с другой. Не каждый райлит мог умело маневрировать между требованиями своего непосредственного начальника – облита и интересами партийной элиты района, где он осуществлял цензурный контроль. Некоторые райлиты стали открыто выражать протест против «незаконных» действий райкомов ВКП(б). Так, в начале июля 1934 г. на заседании Свердловского областного совещания работников цензуры начальник Пермского горлита Казанцев выступил с жесткой критикой деятельности секретаря Пермского горкома ВКП(б) Корсунова. Казанцев, в частности, обвинил чиновника в том, что он, используя свое высокое положение, воспрепятствовал привлечению к уголовной ответственности заведующего Пермской типографией № 2. Типография игнорировала предписания горлита и часто допускала в печать материал, содержащий «гостайны». Совещание заняло позицию цензора. В принятой им резолюции говорилось: «Основной причиной неудовлетворительной работы Пермского горлита Совещание считает непроведение Пермским ГК ВКП(б) в жизнь постановления Уралобкома ВКП(б) от 7 октября 1933 г. об органах цензуры. Нормальных условий для работы Горлита не создано»³. Кроме того, Свердловскому обллиту было поручено поставить в известность о данном факте обком ВКП(б), а также аппарат уполномоченного областной партийной контрольной комиссии. Не всегда, однако, обллит в споре с партийным органом вставал на сторону своих цензоров. Пример тому – конфликт между цензором Троицкого района Челябинской области и местным районным комитетом ВКП(б), случившийся в декабре 1934 г.⁴

Вместе с тем не все партийные комитеты Урала спешили прибрать к рукам органы цензуры. В докладной записке в Свердловский обком ВКП(б) «Отчет о работе райлитов за 1935 г.» начальник Свердловоблита С. Тубанов отмечал такое явление, как нежелание многих райкомов и горкомов заниматься проблемой формирования кадрового аппарата цензуры. Тубанов прямо указывал на то обстоятельство, что партийные комитеты сознательно не исполняли директивных постановлений обкома ВКП(б). «На телеграмму зав. культпропотдела Обкома ВКП (б) тов. Узукова от 4 октября 1935 г., – писал Тубанов, – о выделении работников в райлиты большинство из РК не ответили, а секретарь Пермско-Ильинского райкома

¹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 29.

² Там же. Л. 72 об.

³ Там же. Л. 49.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

тов. Пыхтин прислал такой ответ: «Кандидатуры работы райлита выделить не можем»¹. Далее он обращал внимание руководства Свердловского обкома, что только несколько райкомов выполнили постановление обкома от 8 июня 1935 г. об укреплении органов цензуры на местах в целях предотвращения публикации в печати материалов контрреволюционного содержания. «Таким образом, имеется определенная недооценка работы райлитов ГК и РК ВКП(б), – писал в заключении Тубанов, – и игнорирование ими директив обкома ВКП(б) по вопросам руководства печатью и органами цензуры»². Лишенный права самостоятельно формировать низовой аппарат цензуры, Свердловобллит был вынужден постоянно обращаться в обком ВКП(б). Просьбы о «давлении на парткомы» будут раздаваться от обллитов Урала всю вторую половину 1930-х гг.

23 сентября 1937 г. на бюро Челябинского обкома ВКП(б) был заслушан доклад начальника обллита П.Н. Шмелева «О состоянии цензуры в области». Шмелев говорил не только о проблеме текучести кадров в аппарате цензуры, о результатах работы его ведомства в деле предварительного и последующего контроля за объектами цензуры. Начальник Челябинобллита просил партийную власть помочь решить проблему материального обеспечения органов цензуры. В частности, Шмелев просил повлиять на Челябинский облисполком, который, по его словам, «практически мало помогает» обллиту в предоставлении отдельных помещений горрайлитам. По результатам доклада бюро Челябинского обкома ВКП(б) приняло постановление, в котором было «предложено Облисполкому в месячный срок представить Обллиту и Горлиту оборудованные помещения»³. Итак, не представляет особого труда сделать вывод о том, что кроме решения проблемы «кадрового голода» обкомы ВКП(б) Урала в рассматриваемый период времени занимались и вопросами материального обеспечения органов политической цензуры.

В 1938–1940 гг. обллиты Урала в своих отчетах в Главлит особо подчеркивали вклад областных комитетов партии в строительство районных органов цензуры. Так, начальник Пермского обллита Пермякова в отчете за 1939 г. писала о помощи, оказанной Пермским обкомом ВКП(б). Этот партийный орган своим специальным распоряжением запретил райкомам без разрешения Пермобллита «по своему усмотрению» смещать с должностей начальников райлитов, а также отправлять их в командировки⁴. В отчете Пермского обллита за 1940 г. Пермякова отмечала, что именно при помощи отдела кадров обкома ВКП(б) «текучесть цензорских кадров по области значительно снизилась». Главлит, в свою очередь, в ответном письме инструктировал Г. Пермякову и далее активно взаимодействовать с Пермским обкомом ВКП(б). «Постановку Вашего отчета на обкоме ВКП(б) считаем правильным и необходимым мероприятием, которое должно явиться переломным моментом в деле улучшения работы Обллита», – писал заместитель начальника Главлита П. Пронин⁵.

В Свердловске в 1939 г. обком ВКП(б) не нашел времени заслушать на заседании бюро отчет начальника Свердловобллита. Несмотря на это, в принятой 25 сентября 1940 г. «Резолюции кустового совещания уполномоченных Обллита промышленных районов Свердловской области» все надежды цензоров по-прежнему были возложены исключительно на Свердловский обком ВКП(б). Цензоры просили партийную власть обратить внимание на их материальные нужды, «наладить систематическую учебу

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 94.

² Там же. Л. 95.

³ ОГАЧО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 8. Л. 105.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 1.

редакторов и уполномоченных». Кроме того, в «Резолюции» был поставлен актуальный для цензоров вопрос о возможности проведения «областного совещания уполномоченных Обллита с участием представителей Обкома ВКП(б)»¹.

Подведем итог. На протяжении 1920–1930-х годов партийные комитеты Урала не проявляли ярко выраженный интерес к деятельности органов Главлита. До середины 1930-х гг. низовой аппарат уральской цензуры формировался без прямого участия партийных органов. Рассмотренные выше примеры убеждают нас в том, что и в 1934–1940 гг. на местах, в подавляющем большинстве случаев, партийное «участие» в области цензурной политики оставалось формальным. Более того, порой местная партийная элита сознательно, в обход цензора, издавала материалы без визы райлита. Решениями райкомов ВКП(б) начальники райлитов могли быть отправлены в длительные командировки. Не всегда парткомы оказывали и материальную поддержку цензорам. Все это свидетельствует о том, что партийные комитеты недостаточно ясно представляли себе задачи политической цензуры. Мобилизационный потенциал райлитов ими практически так и не был задействован, несмотря на разъяснения обкомов ВКП(б) и обллитов.

¹ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 20. Л. 3–4.